

Таривердиев эл.

1985 г. 4-й кв.

МОСГОРСПРАВКА
ОТДЕЛ ГАЗЕТНЫХ ВЫРЕЗОК
103009, ул. Горького д. 5/6 Телефон 203-81-63

Вырезка из газеты

НА СМЕНУ

10 ОЕН 1985

г. Свердловск

встреча для вас

Микаэл ТАРИВЕРДИЕВ:

«Говорить своим голосом»

Творчество этого композитора ни с чьим не спутаешь. Работает он в самых разных жанрах: камерная, симфоническая, вокальная музыка. Сейчас, например, пишет музыку для большого балета по фрескам Пикассо. Но особую любовь слушателейнискал он песнями-балладами, песнями-романсами, песнями-размышлениями.

Микаэл Таривердиев. Сегодня читателям «На смену!» предлагаем беседу с ним.

— Музыка — это продолжение композитора, — говорит Микаэл Леонович. — Мы живем в век стандартов. Они стали проникать и в искусство. Но то, что необходимо в технике, экономике, губительно в творчестве. Главное в искусстве — говорить своим голосом, быть индивидуальностью.

— Какое место в творчестве вы отводите эксперименту?

— В ту секунду, когда кончается эксперимент, кончается мастер. Но эксперимент сам по себе ничего не значит, если произведение не несет мысли. Потому что легковесные, бездумные, поверхностные произведения воспитывают у людей потребительское отношение к искусству, а это обедняет нас, лишает способности думать. Еще более опасен такой подход, когда авторы специально стараются упростить свои произведения: дескать, иначе их не поймут. Доверие, уважение к людям всегда составляло основу моей работы.

— У многих вызывает беспокойство появление в нашей стране огромного количества различных музыкальных ансамблей, которые, по сути, никакого отношения к настоящей музыке не имеют. Как преодолеть этот «бум»?

— Мы все вместе виновны в нем. Некоторые из нас, профессионалов, в свое время просто отмахивались от этого явления. А оно росло и сейчас достигло таких масштабов, когда запрещать что-либо поздно. Остается только один путь — просветительство. Это встречи, беседы авторитетных музыкантов с молодежью с целью популяризации хорошей музыки. И самое главное — «выпускать» на публику только первоклассные произведения. Псевдомузыкантам должен быть поставлен заслон в филармониях, учреждениях культуры.

Неверной мне кажется точка зрения тех, кто счи-

тает, что молодежь не интересуется серьезной музыкой. Есть такой интерес, надо только его развивать. И этим должны заниматься все мы: я имею в виду и Союз композиторов, и Министерство культуры, и вузы, где готовят работников культуры, и радио, и телевидение.

Надуманными считаю и проблемы дискотек. Не вижу никаких проблем. Молодежь всегда хотела танцевать. Вот и пусть танцует, естественно, под хорошую музыку. А «впихивать» в перерывах между танцами сочинения Баха или Шостаковича по меньшей мере наивно. Лучше пусть сегодня они потанцуют и послушают легкую музыку, а завтра пойдут в концертный зал. Но я думаю, что серьезная музыка не должна даваться просто так. Я представляю себе лекции-концерты. Причем не скучных музыковедов, а профессионалов, умеющих говорить, умеющих увлечь. Помню прекрасные беседы Геннадия Рождественского у оркестра, беседы Евгения Светланова, Юрия Темирканова. Как жаль, что подобных встреч так мало!

— В искусстве, пожалуй, нет видов, которые существовали бы сами по себе, без связи с другими видами. Ваша музыка воплощается в зрительные образы посредством кинематографии, например. А также будит любовь к поэзии...

— Меня нередко спрашивают, почему я использую прием нотированного голоса. Внимание к слову, к поэзии — вот что мною руководит. Прием не нов, с ним связано, например, творчество Даргомыжского, Мусоргского. Это течение появилось в России уже давно и буквально перевернуло весь музыкальный оперный язык, в котором интонация слова, его подлинность и правда стали основой.

Вокальную музыку я всегда пишу на готовые стихи.

Должен быть какой-то поэтический образ, который заинтересует меня и станет толчком к сочинению. Соединяясь, образ стихотворный и образ музыкальный должны дать совершенно новое качество, не присущее только стихам или только музыке. Так возникает вокальная музыка.

Что же касается работы в кино, то написать музыку к кинофильму для профессионала — дело нехитрое. А вот понять концепцию фильма — самое трудное. И нередко я «жертвую» работой в какой-то интересной картине только потому, что не могу почувствовать ее главной мысли. А сочинять музыку «по интуиции» — ниже достоинства профессионала.

— Вернемся к поэзии. Как поэты воспринимают свои стихи, положенные вами на музыку? Не «открывают» ли они их для себя заново?

— Такое бывает, и зачастую. У моих друзей-поэтов возникает изумление необычным музыкальным «прочтением» их стихов. Могу вспомнить такой забавный случай, который произошел при работе над телефильмом «Ольга Сергеевна». Помните, в нем есть песня «Память» на стихи Давида Самойлова?

Снимался эпизод встречи ветеранов в День Победы. И я напросился поехать с коллегами — кинематографистами на эту съемку. Как вы знаете, фронтовики тогда еще собирались 9 мая у Большого театра. А на другой день написал песню «Память»: «И память — сны, и память — дождь шумит» — вот эти стихи. Когда же показал готовую песню Самойлову, он удивился: «Ты написал про войну, но у меня эти стихи посвящены любимой женщине». А ведь я не изменил там ни строчки, ни запятой. Был полон памяти этих людей, которые прошли войну, сам я из другого поколения, послевоенного, но эти люди

меня очень тронули. И я написал песню о памяти, о войне.

А как бывает, когда вы работаете в кино?

— Можно, я расскажу, как мы делали картину «Ирония судьбы, или С легким паром»? Было много проблем, ведь этот фильм — несколько странный в отношении жанровых особенностей. Фильм может быть любого жанра, правда? Комедия, психологическая драма, детектив и так далее. А этот фильм в жесткие рамки не уложишь. Начало — явная буффонада. Дальше, когда герой ошибочно улетает в Ленинград, появляются признаки комедии положений. Потом на экране лирика: герой и героиня начинают испытывать взаимную симпатию. А это уже другой жанр с совершенно иными законами. А финальный эпизод вновь выстроен в жанре буффонады.

Что же мне, композитору, делать в такой ситуации? Сперва написать буффонную музыку, потом таинственную, потом нежную? Чепуха получается. И я стал думать, о чем картина. Наверное, о том, что все мы ждем чуда. Это рождественская сказка о желании чуда и добра.

Поэтому я должен был написать несколько романсов, музыкальных эпизодов с философскими стихами о желании добра, любви, о желании быть понятым, потому что все этого хотят. И тогда я взял стихи замечательных поэтов — Цветаевой, Ахматовой, Пастернака, Ахмадулиной — и написал эти романсы. На студии был жуткий скандал. Все, и друзья и недруги, говорили, что Таривердиев решил загубить картину. Ведь она телевизионная, новогодняя, и тут должны быть очень легкие куплеты с несложным текстом. Но режиссер Эльдар Рязанов оказался настоящим другом, мы отстаивали свою позицию, хотя это, в общем-то, был рискованный эксперимент.

Но люди полюбили, я надеюсь, эти романсы, они не показались им сложными. Меня поняли, и я благодарен за это. Ведь, как я уже говорил, музыка — это продолжение композитора, так же, как поэзия — продолжение поэта, а живопись — продолжение художника. И даже если внешне, в быту, художник «не похож» на свои картины, это не так. Потому что это более глубинные проявления, более тонкие, духовные, не видимые на поверхности. Но они тоже являются собой продолжение мастера: там, в своей сути, в своей душе, в своем сердце.

Беседу вел

Л. САДЧИКОВА.

НА СНИМКЕ: М. Л. Таривердиев.